

Отговорен редактор:
Проф. д-р Ангел Давидов

Редакционна колегия:
доц. д-р Мария Спасова
доц. д-р Кирил Кабакчиев
доц. д-р Мария Мъжлекова
гл. ас. Пенка Ковачева
гл. ас. Камен Димитров

Научен секретар:
Маргарита Пушкарова

ВЕЛИКОТЪРНОВСКИ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"

**БЪЛГАРСКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКА
МЕДИЕВИСТИКА**

**СБОРНИК
НАУЧНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ
В ЧЕСТ НА ПРОФ. ДФН
ИВАН ХАРАЛАМПИЕВ
ПО СЛУЧАЙ 60-ГОДИШНИЯ МУ ЮБИЛЕЙ**

2006

Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий"
Велико Търново

О ЛЕКСИЧЕСКИХ МОРАВИЗМАХ В ДРЕВНИХ
СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ (2)¹

Ростислав Станков (София)

*Если на клетке слона прочтешь надпись
“буйвол”, не верь глазам своим.
Козьма Прутков*

В предыдущей статье, посвященной проблеме моравизмов в древних славянских рукописях, были рассмотрены слова в *Законе судном людем* (ЗСЛ) и *Номоканоне* Мефодия (НМ), которые, по мнению К. А. Максимовича, не известны болгарской книжности и диалектам [Максимович 2005, 121–131]. В настоящей работе рассмотрим “моравизмы ЗСЛ и НМ, отмеченные в болгарских письменных памятниках, но не в диалектах” [там же, 132].

Первым в данной группе оказалось слово *влащъ* ‘собственный’, встретившееся в НМ² в Устюжской кормчей: (1) *такъ не достонть възимати усю црквиныхъ ни себе влаща творити* (в Иоасафовской кормчей – *влагалница*) (*σφετερίζεσθαι* ‘присваивать’) [ММ 4, 260; Максимович 2005, 132]. Как отмечает К. А. Максимович, слово – производное от **vold-tь* > *vlastь* ‘владение, обладание’. С одной стороны, слово является архаичным регионализмом, а с другой, – его древние фиксации отмечены только в памятниках “западного” происхождения (*Беседах на Евангелие* Григория Великого) [SJS 5, 201; Максимович 2005, 132]. В пользу “моравского” характера данного слова приведены ст.-чеш. *vlašcie*, *vlaštie* ‘собственный’. Заметим, что К. А. Максимович привел старочешские слова по двуязычному словарю Ф. Котта [IV, 733], к тому же они не являются точным соответствием *влащъ*, в котором явно проступает древнеболгарский фонетический элемент – [št] из **stj*. Чешский вариант *vlaštie*, видимо, является дальнейшим, более поздним, развитием аффрикаты [šč]³. Семантика корня **vold-* достаточно

¹ Данная статья является продолжением статьи: Станков (в печати 1).² Текст НМ цитируем по изданию Й. Вашицы [Номоканон. – ММ 4, 205–363].³ Подобным образом развилась в чешском и аффриката [šč] из **skj* [Бошковиц 1984, 105].

широка, и от значения 'владение, обладание' до значений 'собственный', 'собственность' рукой подать. В болгарских диалектах достаточно слов с корнем *влад-*, выражающих значения 'собственный', 'собственность': *владалец* 'владелец; собственник', *владало* 'крепостной акт', *владане* '(недвижимое) имущество; земельное угодье', *владовице* '(недвижимое) имущество; земельное угодье' [БЕР I, 160, *владая*].

И фонетика, и семантика слова *влаць* не позволяют считать его моравизмом. Об этом свидетельствует и приводимое К. А. Максимовичем производное *влацьствни* 'свойство' в болгарском переводе толкований на литургию, приписываемых патриарху Герману I (715–730): (2) Тронцю стѡюю по оупостасемъ срѣкву лицемъ нераздѣльно на влацьствни[и] (в греч. *ἀσύγχυτον ἀϊδιότητα* 'вечную неслиянность') [Максимович 2005, 132]. На основании суффикса *-ъstvij-*, с ссылкой на А. Вайана [1952, 231], К. А. Максимович усмотрел в слове *влацьствни* западное влияние на преславскую книжность.

Необходимо вкратце затронуть проблему суффикса *-ъstvij-*, поскольку суффикс этот используется активно в современном чешском языке, то многие авторы априорно решили, что и в эпоху становления славянской письменности слова с этим суффиксом являются словами моравского происхождения⁴. Для того, чтобы это рассуждение было истинным, требуется еще одна небольшая деталь – суффикс должен быть праславянского происхождения, утвердившийся в западославянском языковом ареале и отсутствующий в южнославянском, в частности в болгарском, ареале. Однако, по меткому выражению О. Н. Трубачева, ничего подобного в природе не наблюдается. Большинство исследователей склоняется к мысли, что слова на *-ъствни* образовались под влиянием слов на *-ъство*; сам суффикс *-ъstvij-* представляет собой контаминацию суффиксов *-ъstv-* и *-ij-* [Мейе II, 307]. Нет оснований возводить суффикс *-ъstvij-* к праславянскому периоду. В этом плане существенно то, что очень мало слов с суффиксом *-ъstv-* можно отнести к праславянскому. Так, например, в ЭССЯ (словарь дошел почти до конца буквы *О*) можно насчитать не более 20 слов с этим суффиксом (**bogatъstvo*, **bratъstvo*, **bratъstvo*, **bujъstvo*, **čarodějъstvo*, **čuvъstvo*, **debelъstvo*, **děbъstvo*, **děvъstvo*, **družъstvo*, **kovarъstvo*, **l'udъstvo*, **l'okavъstvo*, **l'ьgarъstvo*, **materinъstvo*, **тъножьstvo*, **narodъstvo*, **nasilъstvo*, **nasledъstvo*). Принадлежность некоторых

⁴ Ср. например, высказывание А. Вайна: "суффикс *-ъствни*, вероятно, восходит к первоначальной западной традиции, так что собственно старославянским суффиксом является *-ъство*" [1952, 231].

слов к праславянскому весьма сомнительна: например, **čarodějstvo* при отсутствии **dějstvo*; **debelstvo* скорее всего окказиональное образование в древнеболгарском языке. Спорность отнесения отдельных слов к праславянскому отмечена и самим О. Н. Трубачевым; например, **kovarstvo* – “книжный характер распространения в ряде славянских языков весьма вероятен” [ЭССЯ 12, 9–10]; **lqkavstvo* – “возможно межславянское заимствование и распространение, восходящее к ст.-сл.” [ЭССЯ 16, 145]; **narodstvo* – “древность проблематична” [ЭССЯ 23, 6]; **nasilstvo* – “образование поздней эпохи праславянского” [ЭССЯ 23, 47]; **nasledstvo* – “образование относительно позднее” [ЭССЯ 23, 56]; о слове **bratrstvo* сказано, что это славянская словообразовательная инновация, сравнительно с и.-е. архаизмом **bratrbja* [ЭССЯ 3, 8]. Приблизительно та же картина наблюдается и в SP, причем авторы SP [1–3] не включили в словообразовательный очерк праславянского языка как суффикс *-bstv-*, так и *-bstvij-*; например, **bogatstvo*, **čarodějstvo*, **debelstvo* не включены в SP при наличии **dějstvo*. Авторы SP, однако, поступают не совсем корректно, включая в статьи слов на *-bstv-* чешские слова на *-ství* без соответствующего комментария, внушая таким образом праславянский характер этих слов; (см., например, *bratrstvo*: *bratrstvo* [SP 1, 365]). Сам материал чешского языка свидетельствует в некоторых случаях о позднем происхождении слов на *-ství*; ср. чеш. *dětinství*, но ст.-чеш. *dětinstvo*, *dětinstvie* [SP 3, 169]; чеш. арх. *děvictvo*, *děvicstvo* (: *děvictvн*) [SP 3, 196–197, *děvbstvo*]; или чеш. *družstvo* [SP 4, 286–287].

Иными словами, суффикс *-bstv-* был представлен в немногих словах праславянской эпохи. Своей словообразовательной активности он обязан первым славянским письменным памятникам (“en vieux slave pour la formation de mots nouveaux”) [Мейе II, 307]. Суффикс *-bstvij-* не является праславянским по происхождению, а является результатом деятельности первых переводчиков.

В древнеболгарском языке выделяется четыре типа значений у слов на *-bstvo* и *-bstvнн*, причем семантика суффикса *-bstvo* более разнообразна, чем семантика *-bstvнн*, но в то же время покрывает последнюю [Цейтлин 1977, 155–156, 159; 1986а, 187]. Это семантическое покрытие при отсутствии стилистических различий [Цейтлин 1977, 144] объясняет слабое присутствие суффикса *-bstvнн* в болгарском языке, который явно предпочитает *-bstvo*. Что касается чешского языка, то в его истории и в современном состоянии слова с суффиксом *-ství* обычно являются словами абстрактных значений, названиями свойств, профессий, занятий и др., тогда как суффикс *-stvo* характерен для

слов с собирательным значением [Цейтлин 1977, 160]. На наш взгляд, данное семантическое разграничение позволило новому суффиксу *-stvi* утвердиться в языке, но это еще раз подчеркивает книжный характер суффикса в чешском языке.

Важным моментом является выделение Р.М. Цейтлин четырех этапов в истории употребления слов с формантами *-ьство* и *-ьствни* [1977, 161; 1986а, 190]. Для *первого* этапа сказано: “язык первых др.-болг. переводов (с преобладающим или исключительным употреблением слов на *-ьство*”; т.е. не исключается возможность употребления слов на *-ьствни* в доморавский период древнеболгарской письменности. Такую возможность, действительно, нельзя исключить, поскольку суффикс *-ьствни* не является праславянским, а скорее всего – результат словотворческих исканий первых переводчиков, которые, как известно, не были носителями “моравского” языка. Впоследствии Р.М. Цейтлин уточнила свою позицию относительно доморавского периода: “слова на *-ьствни* единичны” [1986а, 190]. Если для *второго* (моравского) этапа характерно более широкое употребление слов на *-ьствни* параллельно с нарастающим числом слов на *-ьство*, то эту констатацию нельзя отрывать от *третьего* этапа, для которого Р.М. Цейтлин сделала очень существенное наблюдение: употребление слов на *-ьствни* в *Клюцевом сборнике* и особенно в *Енинском апостоле* не всегда можно определить как архаизм, начинается новая тенденция, получившая развитие в церковнославянских памятниках западнославянского и восточнославянского ареалов, а именно, – в *четвертом* этапе в них увеличивается число слов на *-ьствни* сравнительно с древне- и среднеболгарскими памятниками, и слова эти специфически книжные. Впоследствии для восточнославянского ареала сделано уточнение, что увеличение слов на *-ьствни* произошло лишь отчасти [Цейтлин 1986а, 190]. Архаичный характер некоторых евангельских слов на *-ьствни*, о котором говорит Р.М. Цейтлин, следует понимать в рамках исторического периода IX-XI вв. и в рамках текстологических разысканий В. Ягича и других авторов, пытавшихся установить первичность того или иного чтения при переводе библейских книг. Излагая чужие мнения о развитии евангельского текста, Р.М. Цейтлин пишет: “Лексемы на *-ьствни* – результат моравского влияния” [1977, 160]; но это скорее пересказ мнения Л. Мошинского [1958, 27–29], чем собственное мнение Р.М. Цейтлин, которое вошло бы в противоречие с выделенными четырьмя этапами развития слов на *-ьствни*. Специфически книжный характер суффикса *-ьствни* позволяет говорить о древнеболгарском влиянии на чешский

язык, а не наоборот, как это принято в литературе. Следует оговориться, что это влияние нужно ограничить самим появлением суффикса *-ьствни* в чешском языке и наиболее древним пластом слов с этим суффиксом в чешском языке. По подсчетам Р. М. Цейтлин, картина распространения обоих суффиксов в славянских языках такова: в болгарском – 50 слов на *-ствие*, 1010 на *-ство* [ОРСБЕ, 139–140, 169–178], в русском – 64 слова на *-ствие*, 1107 на *-ство* [ОСРЯ], в чешском – 62 слова на *-stvo*, 32 на *-tvo*, 440 на *-ství*, 200 на *-ství* (*-ctví*) [Славичкова 1975; Цейтлин 1977, 161; 1986а, 190].

В заключение данного небольшого экскурса необходимо сделать вывод, что слова на *-ьствни* являются органической частью древнеболгарского литературного языка; говорить о каком-либо моравском влиянии здесь не приходится. Более того, слова на *-ьствни* в древнерусских рукописях увеличиваются за счет древнеболгарской традиции, и тенденция эта наблюдается уже в *Остромировом евангелии* [Цейтлин 1977, 161].

Здѣствн: (3) Приложн сѧ двѣцн нарѣнѣн за мѡужь аще н въ волю двѣцн здѣствлѧ воудѣть носѧ да оуѣбжеѣбѣмоу [ЗСЛ, гл. 11 (13), 37].⁵ К. А. Максимович определил значение глагола как ‘совершить (дерзость), осмелиться (на что-л.)’, указав на отсутствие точного греческого соответствия [2005, 133]. С ссылкой на Ф. Котта [V, 135] приведено чеш. *zalézt* (i) разг. ‘придраться, взъесться (на кого-л.)’, якобы наиболее близкое к идее ‘дерзости’. Данное толкование неверно, потому что оно игнорирует контекст; выходит, текст следует перевести так: ‘совершил (дерзость) в волю (или “по воле”) девицы’ (глагол *осмелиться* вообще не вписывается сюда). Другое толкование *здѣствн* дает СДЯ [III, 324] – ‘вступить в половые отношения’⁶. Более точное объяснение контексту дает И. И. Срезневский [I, 927] – ‘хотя бы и по воле девицы имел с нею совокупление’. Такой перевод дает и В. Ганев [1959, 370]. Авторы СДЯ в случае просто повторили толкование СлРЯ XI–XVII вв. [5, 231]. Это единственное подобное употребление *здѣствн*, известное из письменных памятников. Идея К. А. Максимовича о дерзости не уязвляется

⁵ При цитировании ссылаемся на издание М. Н. Тихомирова и Л. В. Милова [ЗСЛ], цитируя чаще всего Новгородский список 1280 г. с указанием общепринятого разделения на главы и страницы в издании; номер главы в соответствующем списке дается в круглых скобках. К. А. Максимович использует издание Й. Вашицы [Zakoň soudnyj ljudьmъ=Soudní zákoník pro lid. – MM 4, 147–198].

⁶ Любопытно, какое значение дает СДЯ (словарь еще не дошел до этого слова) глаголу *приложити сѧ* в данном контексте, который, согласно И. И. Срезневскому [II, 1425] означает как раз ‘совокупиться, войти в плотскую связь’.

ни семантически, ни синтаксически; какая-тут дерзость, если все совершается по воле (или с согласием) девицы; синтаксическая неувязка связана с префиксом *зѧ-* в глаголе, после которого следует предлог *въ* с вин. падежом. Хотя на базе одно контекста это и рискованно, но, может быть, заслуживает внимания фигуративное толкование словосочетания *зѧлѣстнъ въ волѣ* в смысле ‘вкрасться, втереться в доверие’; ср. болг. *влизам (някаму) под кожата* ‘втираться в доверие (к кому-л.)’, ‘подчинять (кого-л.) своей воле’; ср. еще болг. *зѧлязвам* ‘влизам в, под нешо’ – ‘залезать под что’ [Геров III, 88]. В одном контексте нет необходимости в двух глаголах (*прѧнжѧтнъ сѧ, зѧлѣстнъ*), выражающих одну и ту же семантику (совокупления). Слово нельзя считать “моравизмом”.

Комѣкатнъ ‘причащать (ся)’: (4) *потомъ же да комкантъ* (*τῆς προσφοράς ἐφαπτόσθωσαν*) (НМ) [ММ 4, 347; Максимович 2005, 133]. К. А. Максимович привел мнение В. Ягича [1913, 203], согласно которому *комѣкатнъ* (лат. <communicare>) ‘причащаться’ заимствовано в Моравии из языка немецких проповедников. К мнению В. Ягича К. А. Максимович присоединил еще мнение М. Фасмера, которое, однако, не покрывается с мнением Ягича: “через язык церкви из лат. *communicāre* ‘причащать’ [Фасмер II, 303]. Далее приведены болгарские диалектные варианты *комѣкатнъ*⁷, после чего следует такое высказывание: “Примечательно, что у западных славян данный термин не отмечается ни в современном, ни в старом языке – как и латинизм *въсподъ*, термин *komkati* отсутствует в исторических и этимологических словарях польского и чешского языков... Итак, на примере термина *комѣкатнъ* хорошо видно, что моравизмы, связанные с христианским культом, могут быть географически широко распространены в южнославянских языках и диалектах, оставаясь при этом генетически связанными с западнославянским ареалом” [Максимович 2005, 34]. По традиции в состав “моравизмов” включила *комѣканинъ, комѣкатнъ* Я. Гутянова. Автор приводит мнения разных ученых вместе с болгарскими диалектными данными, отказываясь по существу от вынесения окончательного приговора этим “моравизмам” [Гутянова 1988, 82–83]. Между тем лат. *communicare* не было неизвестной величиной в Болгарии в первые годы после принятия христианства; ср. Ответы папы Николая I на запросы Бориса I: “*Corpori et sanguine Dominico quotidie in quadragesima maiori si deberetis communicare consulitis*”, IX, 1–2 – “Вы спрашиваете,

⁷ Заметим, что Максимович противоречит самому себе, так как рассматриваемая группа “моравизмов” включает слова письменных болгарских памятников, но неизвестные болгарским диалектам.

необходимо ли ежедневно в Великую четырёхдесятницу приобщаться (причащаться) тела и крови Господней” [Дечев 1922, 18, 19].

На примере *кѣмѣкатн* видно, что “моравизмы” – это просто миф, в создании которого порой принимали участие и крупные фигуры (В. Ягич) палеославистики, ибо абсурдно утверждение, что слово, не оставившее следа в западнославянских языках, является *генетически* связанным с западнославянским ареалом; более того, слово перешагнуло в другой ареал и получило там широкое (даже диалектное) распространение.

Крѣжма, *крѣзма* ‘миро’: (5) како подовають просвъщаныхъ по крѣжини помазати крѣжною невѣською (*χρίσθαι χρίσματι ἐπουρανίῳ*) (НМ) [ММ 4, 323; Максимович 2005, 135]. К. А. Максимович указал на греческое происхождение слова через латинское посредство (*c(h)risma*) с ссылкой на Ф. Миклошича [1886, 141]. М. Фасмер считает, что слово восходит к древневерхненемецкому (далее д.-в.-н.) *chrismo*, которое из лат. *chrisma* [Фасмер II, 376]. На основании отсутствия *крѣжма* в болгарских диалектах, оно может считаться древним моравизмом, проникшим в преславскую книжность [Максимович 2005, 136]. В случае необходимо отметить употребление варианта *крѣжно* в древнеболгарском переводе Хроники Георгия Амартола (ХГА): (6) *исть во медоносна и виноносна (довровонна S.) страна та доврѣхъ весма нлющн коупрѣ и лиорвалангъ. рекше крѣжню желоудичин, и шпавалгъсалиа 181, 19–21 – ἔστι γὰρ μελιτοφόρος καὶ ἀρωματοφόρος ἢ χώρα πάνυ φέρουσα κύπρον καὶ μυροβάλανον καὶ ὀποβάλανον* Б. 258, 16–18 (М. 186, 28–29)⁸. Важно, что *крѣжно* читается в текстовой глоссе.⁹ Отметим, что происхождение *крѣжма*, *крѣзма* необязательно связывать с д.-в.-н. *chrismo*: они могут прямо восходить к лат. *chrisma*; ср. Ответы папы Николая I на запросы Бориса I: “Graecos dicere, perhibetis, quod in illorum patria *chrisma* oriatur...”, ХСIV, 1–2 – “Вы говорите, что греки утверждают, что миро рождается в их отечестве...” [Дечев 1922, 94, 95]. Возможно и прямое заимствование из греческого, так как формы на *-o* (ср. *крѣжно*) иногда появляются в болгарском при заимствовании из греческого: ср. *миризма* и *меризмó* [БЕР IV, 115]. Относительно [ž] вместо [z] незачем обращаться к слову

⁸ Текст Хроники цитируется по изданию В. М. Истрина [I]; греческий текст цитируется по изданию де Боора [I–II]; первое число обозначает номер страницы в соответствующем издании, последующие числа – номера строк. Буква Б. после греческого текста обозначает издание де Боора, буква М. – издание Муральта. В квадратных скобках приводятся варианты по другим спискам ХГА, при этом сохраняется обозначение списков в издании В. М. Истрина; S. – означает сумму всех списков.

⁹ К. А. Максимович указал на пример из ХГА, но для него это только факт древнерусской книжности.

крнжъ, как это делает К. А. Максимович, а можно указать на чередование з и ж при заимствовании греческих слов болгарским; ср. *миризлив* и *мирижлив* (от *мириз*) [БЕР IV, 115]; об этом свидетельствуют также варианты *хрижма*, *хризма* [Срезневский III, 1403]. В некоторых северных греческих говорах наблюдается переход [z] в [ž], что находит отражение при заимствовании соответствующих слов болгарским [Дзидзилис 1990, 54]. Приведенные данные позволяют считать, что текстовая глосса в ХГА (6) была сделана болгарским переводчиком, а это, со своей стороны, означает, что *крнжмо* было в определенной степени употребительным в эпоху перевода *Хроники* (по крайней мере в письменном языке). Слова *хризма*, *хрижма* – прямые заимствования из греческого, варианты *крнзма*, *крнжма* – появились, возможно, в древнеболгарском языке под влиянием латинского, вариант *крнжмо* вполне мог возникнуть на болгарской почве – его необязательно связывать с чеш. *křížmo* ‘освященное миро’ или с д.-в.-н. *christmo*, тем более что в ХГА *крнжмо* означает вообще благовонную мазь.

Малѣжена ‘супруги’: (7) О малѣженоу. Неразложуно ѿ ба малѣженомъ житиѣ творѣщию спѣсоу нашемоу воу гоу... нъ зане ѿ непрѣзани ненавдѣнѣиѣ впадеѣтъ межѣ малѣженома клеветѣ дѣла... Тѣмъ же в унсло нарѣчающе закономъ вѣщи. нхъ же дѣла разложуваѣта са малѣжена [ЗСЛ, гл. 30а (33), 39–40].¹⁰ Западный (или моравский) характер слова доказывается его отсутствием в южнославянских языках и наличием чеш. *manžel*, *manželka* (с метатезой согласных, как полагает К. А. Максимович [2004, 94; 2005, 136]).

О слове *малѣжена* существует довольно значительная литература, с которой К. А. Максимович, видимо, не знаком, поскольку им приведены только мнения М. Фасмера [II, 562], О. Н. Трубачева [ЭССЯ 17, 178–179], В. Махека [1968, 351]. Между тем эта литература заслуживает нашего внимания. Традиционно, следуя Ф. Миклошичу, слово *малѣжена* объясняется как частичная калька с д.-в.-н. *mâlŭip* или *mâlkonâ* ‘супруга’; т. е. первую часть славянского сложения объясняют из д.-в.-н. *mahal*, *mâl* ‘conciô, pactio, foedus nuptiarum’, а вторую – как перевод нем. – *wip* или *-kônâ* ‘жена’. А. Вайан предложил исходную форму **mõžžena*, которую исследователи, как правило, не принимают по фонетическим соображениям. П. Скок высказал мнение, что формы *manžen*, *manžel*, возможно, указывают на сложение типа *dvandva*, в котором первая часть связана со словом *тиž* <*mõžь* [Скок II, 364]. В. Махек [1968,

¹⁰К. А. Максимович привел греческие слова, которые приблизительно являются соответствием *малѣжена*: ἡ συμβίωσις ‘совместная жизнь’, τὰ συνοικέσια [2005, 136].

351] предложил реконструкцию *малъжена* из **maldo-ženstvo*, что большинством авторов признается неудачным по многим причинам.

В. Георгиев поддержал идею А. Вайана и П. Скока о сложении типа *dvandva*, но предложил другое фонетическое объяснение первой части. Автор отмечает, что, если принять традиционную этимологию, то полученное *малъжена* должно означать 'супруга', а не 'супруги, супружеская чета', как это наблюдается в древнеболгарских текстах. Форма *малъжена* объясняется из **manъžena* дистантной диссимиляцией, причем в др.-польск. *manženka* *n* сохранилось в обеих позициях, в то время как в чеш. и словц. *manžel*, др.-польск. *manžel* диссимиляции подверглось второе *n*. *Малъжена* не сохранилось в болгарском языке, так как было вытеснено словом *сѣлрѣчь*. В языках, где установилось *сѣлрѣчь* (болг., серб., рус.)¹¹, *малъжена* исчезло, и наоборот, в языках, где сохранилось *малъжена* (хорв., чеш., словц., в.-луж.) отсутствует *сѣлрѣчь* [Георгиев 1986, 424–246]. Этимологию В. Георгиева поддержал Е. Хемп с небольшой коррекцией, касающейся и.-е. соответствия первой части реконструируемого **manъžena* [Хемп 1987, 305.306].

В 1990 г. одновременно вышли 17 выпуск ЭССЯ (где включена статья **malъžena*) и статья В. Шаура [1990]. О. Н. Трубочев, не давая окончательного ответа, видимо, склоняется к традиционной этимологии и высказывает сомнения относительно реконструкций А. Вайана, В. Георгиева, Е. Хемпа и В. Махека. Необходимо все же заметить, что О. Н. Трубочев никак не обосновывает свои сомнения относительно сложения типа *dvandva*.

Рассмотрим статью В. Шаура, состоящую из 13 параграфов. В §1 В. Шаур приводит текстовой и лингвистический материал распространения и употребления *малъжена* и его вариантов в славянском ареале, упустив из виду хорватский язык. §§2, 3 и 4 посвящены критике этимологии Ф. Миклошича [1886, 182], А. Вайана, В. Георгиева и В. Махека. Слабым местом в этимологии Вайана-Георгиева-Хемпа В. Шаур считает то обстоятельство, что все три автора исходят из **mān-žen-*, в то время как до XV в. встречаются только *малъжен-/malžen-*; формы на *man-* более новые и встречаются только в чешском и лужицком (Шаур не объяснил, почему эти формы являются более поздними, и ничего не сказал о др.-польск. *manženka*, указанное В. Георгиевым).

¹¹ В. Георгиев отмечает, что в русских диалектах встречается *малженки*, *малженки*. Учитывая, что ареал их распространения охватывает южные и западные диалекты [Даль II, 282; СРНГ 17, 326], не исключено польское влияние. Любопытно рус. диал. *мальжены* 'красные пятна, прыщи (чаще на лице)' [СРНГ 17, 343].

В §5 В. Шаур с ссылкой на Ф. Энгельса (*Der Ursprung der Familie des Privateigentums und des Staats*) пытается доказать, что слово *малѣжина* не могло существовать до крещения славян, поскольку в древнейшие доисторические времена у них не существовало моногамной семьи. В качестве дополнительного аргумента Шаур использует сообщение *Повести временных лет* (ПВЛ) под 980 г., что у князя Владимира было 5 жен и 800 наложниц (последнее – явная параллель с библейским Соломоном). В §6 В. Шаур пытается дать объяснение первой части сложения. Для этой цели автор комментирует известие ПВЛ под 945 г., согласно которому древляне предложили Ольге “руку и сердце” (*понием жену его Вольгу за князь малѣ... понди за князь нашъ за малѣ*). Вслед за О. Тьорквист В. Шаур считает, что *за малѣ* должно означать юридическую формулу, а не личное имя, как обычно считают. В §7 “выясняется”, что эта формула должна означать ‘долговечный брак’ или ‘брак навсегда’. Сразу заметим, что весь параграф основан на одних догадках и никоим образом не заслуживает доверия. К тому же нельзя не отметить непоследовательность автора: ведь у славян до крещения не было моногамной семьи, а тут вдруг (до официального крещения восточных славян) появляется даже юридическая формула, регламентирующая моногамный брак¹². При этом цитируются сведения ПВЛ о брачных обычаях славянских племен (точнее, наличие таковых у одних племен и их отсутствие у других). В §8 В. Шаур пытается объяснить, почему с 945 г. до около 1100 г. (время написания ПВЛ) сочетание *за малѣ* стало непонятным. Параграф также неубедителен ввиду того, что непонятность древнерусского контекста для древнерусских же авторов объясняется на фоне материала чуть ли не из всех славянских языков. Гораздо проще понимать здесь не личное имя или юридическую формулу, а прил. *малѣ* ‘младший’ или ‘молодой’; ср. рус. *малый* ‘парень, подросток’ и явно вторичное ‘человек, мужчина’ (*славный малый*); ср. еще *кнѣзь еше малѣ ваши* Новг. I лет. [Срезневский II, 107]. Конструкция *за князь нашъ за малѣ* не противоречит русскому синтаксису. В §9 Шаур отвергает возможность скандинавского происхождения “термина” *за малѣ*. Автор считает, что этот “термин” проник в Древнюю Русь через древнеболгарский язык в эпоху христианизации¹³, поскольку *малѣ*

¹²Известия о возможном принятии христианства княгиней Ольгой в случае не в счет.

¹³Еще раз Шаур проявляет непоследовательность, так как христианизация Руси происходила в последней четверти X в., и 945 год не может иметь отношения к данному “термину”. В таком случае вряд ли следует искать объяснение утраты понятности на Руси *за малѣ* с 945 по 1100 г.

присутствует в др.-болг. *малъжена*. По мнению В. Шаура, маловероятно также праславянское происхождение *малъжена* в древнеболгарском, так как свои слова, как правило, ясны и несут в себе сознание об их происхождении. Поскольку сознание отсутствует, слово декомпозируется и появляется за *малъ*. В §10 В. Шаур пытается опровергнуть мнение В. Георгиева о распространении *сѣпрѣжъ* ‘супруги’ в славянских языках (см. выше). Автор делает упор на то, что в классических древнеболгарских памятниках слово фиксировано только в значении ‘парная упряжка’. Значение ‘супруги’ якобы развилось на русской почве в Минеех 1095–1097 гг., следовательно, заключает В. Шаур *малъжена* и *сѣпрѣжъ* не являются синонимами в древнеболгарском. Присутствие *сѣпрѣжъ* ‘супруги’ в Минее 1097 г. достаточно красноречиво само по себе, и утверждение будто бы древнеболгарскому языку данное слово в этом значении не было известно является грубейшей спекуляцией, лишенной каких бы то ни было оснований. В подтверждение можно привести причастие *сѣпрѣженъ* ‘женатый’ (от *сѣпрѣжити*) в *XIII Словах* Григория Богослова: (8) *Колѣнка межда сѣпрѣженънхъ къ хлѣкъннѣ* л. 180а-б (*ὄσση τὸ μέσον τῶν ἐν συζυγίαις πρὸς τοὺς ἀγάμους*) [Корпус, Срезневский III, 1369]. В §11 В. Шаур соглашается с Р. М. Цейтлин [19866, 111], что первая часть сложения *малъ-* является моравизмом. Затем В. Шаур подвергает критике этимологию Ф. Миклошича, находя в ней фонетические несоответствия. Непонятно, каким образом лишь половина слова может быть моравизмом, ведь первая часть слова в самостоятельном виде не употребляется (объяснения Шаура относительно *малъ* в ПВЛ неубедительны). В §12 В. Шаур предлагает свою этимологию: *малъ* связано с д.-в.-н. *māl* ‘удобный, важный, решительный момент’; фраза *жити сѣ за малъ* в ПВЛ должна означать ‘жениться в самый важный момент жизни, долговечно и без возможности отмены этого акта’¹⁴. Отсюда *малъжена* – это ‘люди, женившиеся за малъ’. Затем следует допущение существования глагола **malъzeniti se*, который “лишь случайно” оказался незафиксированным. Отсюда *малъжена* – девербатив от **malъzeniti se*. Очень “простое” и, главное, очень “логичное” объяснение. В §13 В. Шаур подводит итоги и заключает, что, если его гипотеза верна, то можно легко понять, почему **malъžena* сохранилось только в западнославянских языках. В языках, потерявших контакты с Моравией, а позднее и с Чехией, слово рано осталось без этимологического объяснения, оно стало неудобным церковным и юридическим термином. Интересно, каким образом

¹⁴Иными словами, самый важный момент в жизни оказывается юридической формулой!

современные чехи чувствуют этимологию *малъжена*, если наименее удачную этимологию предложил В. Махек. Такую оценку следует дать и гипотезе В. Шаура, который явно переоценивает роль Моравии, а заодно и Чехии в развитии славянских языков.

Из изложенного видно, что *малъжена* трудное слово. Мнения ученых можно сгруппировать вокруг двух этимологий (гипотезу Махека можно сразу элиминировать): 1) полукалька; 2) древнее сложение типа *dvandva*. К сожалению, ни одну из них нельзя признать удовлетворительной, т. е. в каждой из них имеются слабые стороны. Этимология В. Шаура относится к идее полукальки, но ее нельзя принять, так как она основана на большом количестве допущений, которые не подлежат верификации (порой они просто переходят в свободное сочинительство). Слабым местом являются как семантическая («самый важный момент жизни», получивший юридический статус), так и словообразовательная сторона, зависящая всецело от незафиксированного **malъženiti se*. С другой стороны, В. Шаур выявил слабые стороны этимологии Ф. Миклошича, сделав лишь одно существенное замечание (правда без обосновки) в адрес этимологии Вайана-Георгиева-Хемпа¹⁵ – зависимость от форм типа *тан-*. Все же представляется, что идея сложения типа *dvandva* не лишена оснований. Правда, О. Н. Трубачев говорит о вторичности и позднем характере значения ‘муж, супруг’ [1959, 104], однако нельзя требовать, как это делает Шаур, чтобы *малъжена* (<*malъžena*) и в доисторическую эпоху обозначало ‘супруги’; слово могло означать ‘мужчина и женщина’, так же как *вратъсестра* означает ‘брат и сестра’ в Остромировом евангелии; ср. болг. *мъж* ‘мужчина; супруг’, *жена* ‘женщина; супруга’, сохранившие свою исходную семантику, тогда как в остальных славянских языках развились вторичные образования типа рус. *мужчина, женщина* для обозначения лица соответствующего пола после того, как исходные *муж, жена* стали употребляться только в значениях ‘супруг’, ‘супруга’. В поддержку сложения типа *dvandva* приведем и тот факт, что в южнославянских языках (болгарском и сербском) слово *човек* ‘человек, мужчина’ употребляется и в значении ‘муж, супруг’ [Трубачев 1959, 104], что может иметь отношение к первой части реконструкции Вайана-Георгиева-Хемпа.

Какова бы ни была действительная этимология *малъжена*, налицо достаточно оснований считать слово праславянским. Трудно, однако, согласиться с О. Н. Трубачевым, что к праславянскому следует отнести

¹⁵ Семантические замечания (§3) в адрес данной этимологии выглядят неубедительными.

и **malъženstvo* [ЭССЯ 17, 180]. Выше уже было сказано о слабой продуктивности *-stv-* в доисторическую эпоху; продуктивность суффикса резко возросла уже в эпоху историческую. Поэтому слово не получило широкого распространения и по всей видимости является книжным образованием (в ЭССЯ О. Н. Трубачев даже не привел рус. *малженство*, указанное В. И. Далем [II, 292]; на Даля ссылается и СРНГ [17, 326]).

Относительно “моравского” статуса *малъжана* в древнеболгарской письменности можно сказать следующее: если верна этимология полукальки, то нельзя не признать странным присутствие данного слова в древнеболгарской письменности, т.е. оно проникло туда в результате языковой интерференции, причем ученики Кирилла и Мефодия ввели в юридическое употребление слово, совершенно непонятное для болгарской аудитории. При такой этимологии еще более странным оказывается книжное образование *малъженство* ‘брак’ в древнеболгарском переводе XIII Слов Григория Богослова (*Малъженствоу ꙗ хлачьвѣ – γάμος καὶ ἀγαμία*) [Корпус, л. 196d, Срезневский III, 1370]. Если и можно, с некоторой натяжкой, допустить влияние межъязыковой интерференции в книжном тексте, каким является перевод Слов Григория, то трудно допустить эту интерференцию в юридическом тексте, каким является ЗСЛ. В случае любопытно обратить внимание на гапак *хлачьва* ‘безбрачие’ (от *хлакъ* ‘холостой’); оба слова, по-видимому, не оставили следа в славянских языках [ЭССЯ 8, 61–62]. Мотивирующее *хлакъ* известно по трем памятникам исключительно книжного толка [Срезневский III, 1369, 1383, Миклошич, 1090]. *Хлачьва* скорее всего окказиональное образование от архаизма *хлакъ*.

Мъдѣлость ‘медленность, леность, нерасторопность’: (9) да аще в невѣденыи или в мѣть. възгнѣтвишию огнь се вѣдетъ. вес тощѣты згорѣвшѣю да творитъ [ЗСЛ, гл. 15, 43]. Цитируем текст по Варсонофьевскому списку (гл. 17), так как в Новгородском читается *мѣсть*; в других списках читается то же сокращение, получившее раскрытие в виде *мнѣсть* в некоторых списках ЗСЛ. Текст испорчен, слово *мѣд* (ѣ) *лѣсть* восстанавливается из чтения при помощи греч. ...*αθυμία* ‘праздность, леность, беззаботность, беспечность’. Возможно, такое искажение связано с транслитерацией глаголической рукописи ввиду графического сходства букв ѣ (д) и ѣ (л). К. А. Максимович еще раз прибегнул к лингвистическому новшеству А. М. Молдована – “севернославянский ареал”. В связи со словом *мѣдѣлость* этот ареал включает следующие языки: чешский, словацкий, украинский, польский и русский [Максимович 2004, 94]. Приведены еще и слова южнославянского ареала

– словен. *mêdel*, хорв. *madal* без комментариев [Максимович 2004, 95; 2005, 137]. “Моравский” характер слова *мѣдльность* доказывается его отсутствием в болгарских и сербских диалектах (заметим вскользь, что в данном случае К. А. Максимович присоединяет сербский язык к южнославянскому ареалу, в других случаях он оказывается включенным в западнославянский ареал). Между тем, несмотря на то, что в языке болгарских авторов XIX в. слово *медлено* появилось, вероятно, под влиянием русского языка [БЕР IV, 712], оно оставило след в болгарских диалектах [СтБР I, 873, с ссылкой на Диалектный архив при Институте болгарского языка в Софии]¹⁶. Данные показывают, что слово является праславянским, а не “севернославянским” (см. слова с корнем **тъд-* [ЭССЯ 20, 207–211]). По Максимовичу, *мѣдльность* в ЗСЛ означает ‘небрежность, нерасторопность’. Однако употребление слов с корнем *мѣд-* (*мѣд-*) в древних текстах связано с семантикой медлительности, лениности [СС, 338, Срезневский II, 224; СДЯ V, 87–88]. Поэтому толкование ‘нерасторопность’ более подходит к случаю, чем ‘небрежение’. Так или иначе, но такая семантика не характерна для чешского языка: ср. ст.-чеш. *mdliti* ‘ослаблять, лишать сил’, чеш. *mdlost* ‘слабость, вялость’ [ЭССЯ 20, 207–209; Гебауер II, 327] и слова *мѣдльнн*, *мѣдльнѣ*, *мѣдльнчн*, *мѣдльсть* в *Учительном евангелии* Константина Болгарского, *Шестодневе* Иоанна Экзарха Болгарского, *Остромировом евангелии*, *XIII Слов* Григория Богослова (л. 250а) [Срезневский II, 224, Корпус]. Мнение К. А. Максимовича [2004, 95], что *мѣдльность* в качестве моравизма проникло в некоторые болгарские и сербские памятники, не увязывается с семантикой чеш. *mdlost* ‘слабость, вялость’, а также и с семантикой других чешских слов того же корня.

По поводу разночтений *мѣдльнѣ* и *моудьнѣ* в разных списках *Шестоднева* Иоанна Экзарха Болгарского К. А. Максимович высказал мнение, что первичным является *моудьнѣ*, а *мѣдльнѣ* вторичное чтение в русском списке *Шестоднева* [2004, 95]. Необходимо уточнить, что речь идет о наречиях на -ѣ, которые в гораздо большей степени характерны для болгарского языка, нежели для русского. Этимологически оба наречия относятся к одному и тому же корню с разными степенями чередования [Фасмер II, 590]. На основании этого можно считать, что первичным в *Шестодневе* было чтение *мѣдльнѣ*, поскольку в истории болгарского языка это слово несет на себе отпечаток архаичности, оно постепенно исчезло из языка, оставив реликтовый след, вытесненное как раз словом

¹⁶Необходимо уточнить, что речь идет о свадебном ритуале: *невестата върви медленно* (регион Охрида, Струги, Кукуша).

с корнем *муд-*. В этой связи чтение *моудьнѣ* можно считать вторичным в *Шестодневе*. О моравизме в данном случае и речи быть не может. Не включает это слово в группу моравизмов и Я.Гутянова [1998].

Далее в списке К. А. Максимовича идет слово *непрниазнь*, о котором нами написана отдельная статья [Станков (в печати 2)].

Олѣтарь ‘алтарь’: (10) *Вѣлазлан вѣ олтарь вѣ днѣ или в ноцѣ. ꙗже ѿперо что ѿ стѣхъ съсоудѣ ли портѣ. ли всакога вещь вѣзметь. да продаитѣ, а еже внѣоуду олтаря ѿ цркви вѣзметь что, да тепеть са* [ЗСЛ, гл. 28 (30), 39]. Слово известно всем славянским языкам. Считают, что это позднее праславянское заимствование. Весь вопрос в том, из какого языка. М. Фасмер первоначально считал, что источником явилось греч. *ἄλτάρι(ον)*, затем остановился на лат. *altäre* [Фасмер I, 72]. В. Махек [1968, 414] предполагает заимствование из д.-в.-н. Опираясь на этимологию В. Махека, к “моравизмам” отнесла олѣтарь и Я.Гутянова [1986, 23; 1988, 93]. БЕР [IV, 864] присоединяется к идее германского посредства, но все же допускает и возможность заимствования прямо из латыни. Авторы БЕР отвергают греческое посредство¹⁷ и считают, что слово заимствовано румынским языком из древнеболгарского. М. Младенова (с ссылкой на М. Басая и М. Я. Шатковского [1971]) допускает, что олѣтарь появилось на Балканах в соседстве с романскими диалектами или что слово является моравским заимствованием из д.-в.-н. [Младенова 1988, 13]. К. А. Максимович лишь указал на то, что слово позднее праславянское заимствование из латыни и что отдельные авторы предполагают германское посредство. Аргументом “моравского” происхождения явилась лишь ссылка на автореферат Я.Гутяновой [Максимович 2005, 138]. В предыдущей работе сказано, что “ничто не мешает считать олѣтарь заимствованием начала-середины IX в.” [2004, 96]. Неясно, в чем заключается надежный “моравский” характер данного слова.

Дело обстоит не так просто, как кажется на первый взгляд. Как указала А. В. Десницкая, “вопрос о древнейшем слое латинских заимствований в балкано-славянских языках имеет исторический аспект общеславянского значения” [1987, 32]. Речь идет о группе слов латинского происхождения (реалиях), представленных, помимо южнославянских, и в других славянских языках (например, болг. *баня*,

¹⁷ Отметим все же греческое посредство в некоторых регионах Болгарии (юго-восток): *ἄλτάρι* ‘алтарь’ > *алтар* > **лаптар* > *лантар* (с неясным появлением *н*) [БЕР III, 308; Дзидзилис 1990, 65]. Заметим еще, что в болгарском языке проникло определенное количество слов из греческого с окончанием *-αρι(ον)*, например, *кремастър* < *κρεμαστάρι* [БЕР III, 12], *властър*, *ластър* < *βλαστάρι(ον)* [БЕР I, 163] и др.

млин, кошуля, оцет, бивол, череша, колада, русáлия ‘неделя перед троицей’ (ср... ουσάλια ‘троица’ <rosālia ‘праздник роз’), грѣк <græcus, кум <comptater, погáча, погáнец ‘язычник’ [Десницкая 1987, 32–33]. “Естественно полагать, – пишет Десницкая, – что заимствование этих слов, связанных со сферами римской материальной и духовной культуры, произошло в эпоху, когда еще сохранялись контакты южных славян с остальным славянским миром” [1987, 33]. “Вероятно, – продолжает автор, – соответствующие понятия и их обозначения были усвоены во времена первых встреч со средиземноморской культурой на северных рубежах Восточной Римской империи. Это могло произойти еще до переселения южных славян на земли империи, датируемого концом VI – началом VII в.” [1987, 33–34].

В этом плане интересны сведения Прокопия Кесарийского (*История войн*, гл. IV, 35), что к византийскому полководцу Нарсесу (ок. 478–568) явился некий слуга одного анта, выдававший себя за полководца Хилвудия и говоривший по-латыни [Свод I, 184–187]. В примечании 109 (стр. 231) составители Свода отмечают, что это важное свидетельство о языковой ситуации к северу от Дуная: антский юноша говорит по-латыни (при том, что, например, византийский стратиг армянин Гилак не знал ни слова по-латыни или по-гречески)¹⁸. Прокопий Кесарийский (*История войн*, гл. IV, 11) указывает также, что иногда анты нападали на Фракию и брали в плен ромеев [Свод I, 180–181], среди них наверняка были такие, для которых родным был латинский, а не греческий язык.

А. В. Десницкая не включила в вышеуказанную группу слово *altāre*, которое проникло к середине I тысячелетия в албанский язык [Десницкая 1987, 14], но имеет две формы: *alter* (более ранняя) и *altar* (более поздняя) из итальянского или из церковной латыни, как полагает Л. В. Шарапова [1987, 162, примеч. 55]. На наш взгляд, лат. *altāre* вполне заслуживает включения в вышеуказанную группу, тем более что А. В. Десницкая высказывает еще такие соображения: “В связи с вопросом о раннеисторических культурных и языковых связях с балканским ареалом мне уже приходилось писать о том, что через балканскую многоязычную и, в частности, через южнославянскую среду передавались на север и северо-восток ассимилированные ею культурные и языковые влияния средиземноморского юга” [1987, 34]. Моравское влияние в случае со словом *олътарь* следует исключить. Многие авторы переоценивают роль древневерхненемецкого в

¹⁸Правда, в примеч. 110 (стр. 231–232) отмечается возможность литературных ре-минисценций в рассказе о Псевдо-Хилвудии.

формировании церковной терминологии и на просто пренебрегают влиянием балканской латыни на южнославянские языки.

Поганскыи ‘языческий’: (11) *всако село в нем же требы вѣвають или прѣсагы поганскы да ѿдаютьъвъ ѿнн храмъ. со всѣмъ нѣтънѣмъ еанко ѿмоуть ꙗ ꙗ ꙗ в томъ селѣ* [ЗСЛ, гл. 1, 35]. В качестве соответствия К. А. Максимович приводит лат. *paganus superstitionis* [205, 138]. Приведены также данные из всех славянских, в том числе болгарского, языков. Тем не менее с удивлением можно прочитать следующее: “поганский, которого нет в живых южнославянских языках и диалектах”; “в болгарском языке термин *погански отсутствует (вместо него используется прил. *езически*), а производные от *поганъ немногочисленны”; “отсутствие в болгарском слова поганский может свидетельствовать о его исконно западном характере. Наличие термина в преславской Супрасльской рукописи объясняется характерными для данного сборника и ряда других восточноболгарских текстов следами западного (мораво-паннонского) книжного влияния” [Максимович 2005, 138, 139, 140]. Прежде всего отметим, что утверждение К. А. Максимовича об отсутствии слова погански в живом болгарском языке не отвечает действительности. Прочитируем полюбившийся К. А. Максимовичу *Болгарско-русский словарь* С. Б. Бернштейна: погански ‘поганий, языческий; иноверческий’ (с. 455); см. еще РСБКЕ [II, 537], Н. Геров [III, 69]. Во-вторых, те производные от основы поган-, указанные К. А. Максимовичем, не появились на пустом месте в болгарском языке.¹⁹ Неверно также утверждение, что производных от поган- мало (см. БЕР [V, 416–417, поган¹]; производных довольно много и они распространены по всей территории Болгарии. В-третьих, именно это объясняет присутствие слов с основой поган- в основном корпусе классических древнеболгарских текстов [СС, 457–458]. Вспомним также знаменитое выражение Черноризца Храбра о славянах – погани сѣци. И в-четвертых, еще раз обратим внимание на работу А. В. Десницкой о распространении латинизмов в славянских языках (см. выше), среди этих латинизмов включено и производное болг. поганец ‘язычник’. Моравское влияние на древнеболгарскую письменность в очередной раз оказывается фикцией.

Попъ ‘священник’: (12) *Никыи же прѣвѣгающаго въ цркъвъ ноужно нъ вещь прѣвѣгын ꙗвлѣеть попови* [ЗСЛ, гл. 16 (18), 38]; у Максимовича [2005, 140]: *никыи же прѣвѣгающаго въ цркъвъ ноужно не извлѣаи, нъ вещь*

¹⁹ Болг. поганец ‘нехристианин, язычник’ для Максимовича равным счетом ничего не означает [2005, 139].

привържани да паклантъ попови (тѣ ѿгреї). Мнение о западном (паннонском) характере попь жидется на этимологии: из д.-в. н. *pfaffo* <лат. *papa* <греч. *πάπας*; распространение слова в славянских языках объясняется его тесной связью с христианским культом [Максимович 2005, 140]. Этимология слова из д.-в. н., однако, проблематична. М. Фасмер первоначально считал, что слово заимствовано непосредственно из греч. *παπᾶς*, затем, ввиду распространения его в западнославянских языках, изменил свою позицию, возводя слав. *pop* к д.-в.-н. *pfaffo* ‘священник’ [III, 326–327]. БЕР [V, 521–522] приводит обе этимологии, не давая окончательного ответа: 1) из греч. *παπ(π)ᾶς*, вероятно, родственного *πάπ(π)ος* ‘дед’; 2) из д.-в.-н. *pfaffo*. М. Младенова считает, что из греч. *παπᾶς* вполне могло получиться попь с заменой *α* в *ο* и развитием *-ας* в *-ь* [1988, 9–10]. Грецизмом в болгарском языке считает *pop* и Х. Дзидзилис, который тоже приводит греческое слово в виде *παπᾶς* [1990, 14, 41]. Греческие словари [Лидл, Скотт, 1301–1302, Лампе, 1006] приводят слово только в виде *πάπας*, причем это основной вариант, а Лампе в скобках приводит *παπᾶς*, *πάππας*. Из этого основного варианта в болгарском тоже может получиться попь, ср. переход *ά* в *ο* в болгарском: *δράκος* > *дрок*²⁰, *στάμνα* > *стомна* и др. [Дзидзилис 1990, 14]. И, наконец, весьма существенное замечание. Говоря о распространении попь в западнославянских языках, М. Фасмер не учел семантику и стилистику данного слова, а они достойны нашего внимания. В современном чешском языке слово *pop* означает ‘православный священник’ и ‘священник (вообще)’, причем более общее значение считается презрительным и устаревшим [SSJČ IV, 277] При этом заметим, что деление на значения является условной лексикографской процедурой, так как делимость семантики слова нельзя считать теоретически доказанной [Трубачев 1976, 1980]. По нашему мнению, в случае нельзя отделять священника (вообще) от православного священника в чеш. *pop*, чья стилистика, основанная на отношениях между католиками и православными, показывает, что слово проникло в чешский язык из древнеболгарского языка. О таком движении слова указывает и его отнесенность к православному священнику, чего никак нельзя связать с д.-в.-н. *pfaffo* ‘священник’. На эту деталь обратил внимание и В. Гешев [2003, 39]. Предположение же, что слово, презрительно обозначающее священника (православного) вошло в древнеболгарский язык из “моравского” или “паннонского” и стало нейтральным обозначением служителей Церкви, нельзя считать убедительным.

²⁰Примечательно отпадение греческого окончания в болгарском.

Далее следуют три слова *postiti sa*, *postъ*, *poщenni* (хотя в ЗСЛ встречается только *postъ*), которым К. А. Максимович приписывает значения ‘каяться’, ‘покаяние’. Ничто, однако, не указывает на значение ‘покаяние’ для *postъ*; например, (13) *Бладоущному чьрнцю по закону людьскому постъ илюю оурѣзають. а по цркъвномуу закону. постъ ѿ лѣ*[ЗСЛ, гл. 5 (7), 37]. Все остальные случаи употребления *postъ* подобного рода. Значение *postъ* в случае может быть только ‘воздержание от пищи’, независимо от того является ли это соблюдением дней поста, согласно регламенту Церкви, или же наложением поста в виде церковного наказания. М. Фасмер считает, что **postъ* было заимствовано из д.-в.-н. *fasto* ‘пост’ “скорее... моравско-паннонскими славянами, чем южными из балканогерм. языков” [Ш, 341]. Глагольные формы возводятся к д.-в.-н. *fastĕn*. С ссылкой на М. Фасмера К. А. Максимович утверждает, что “по Фасмеру, термин вошел в обиход славян в Моравии, по Миклошичу – в Паннонии” [2005, 141. БЕР [V, 543–545] предполагает праславянское происхождение слова *post*, которое родственно д.-в.-н. *fasto*, а также нем. *fest* ‘крепкий, сильный’, *Festung* ‘крепость’. К. А. Максимович (без аргументации) считает эту этимологию неприемлемой, и, не зная, что БЕР использует другую систему записи реконструируемых праславянских форм, поставил знак вопроса (?) к **pastъ*. Затем К. А. Максимович указывает, что специально западным считается значение ‘покаяние’, хотя само слово *postъ* может считаться моравизмом. Значение ‘покаяние’ якобы словарями не указано. Словари, действительно, не фиксируют такого значения по той причине, что его просто нет в языке. Его нет и в старочешском языке, но который сослался К. А. Максимович; ср. *postiti se*... ‘zachovávat půst jako pokání’ [SS 20, 815–816], т. е. ‘соблюдать пост как покаяние’. В случае можно говорить о неправильной записи значения слова, более точной была бы запись ‘zachovávat půst (jako pokání)’, т. е. семантику слова не следует расширять за счет пояснительного “как покаяние”, которое в значение слова не входит. Понятно, почему словари не фиксируют значение ‘покаяние’ для слова *postъ*, так как основными значениями были и остаются ‘воздержание от пищи’ и ‘время для соблюдения поста’. Менее убедительным (хотя и возможным) представляется значение ‘аскетический образ жизни, подвижничество’ для слова *poщenni* [СДЯ VII, 418–419], поскольку следовало бы ожидать подобное значение и для слова *postъ*, которое, однако, отсутствует [СДЯ VII, 312–313]. Данное значение выделяется на основе греч. *ἀσκησις*, которое до своего христианского значения означало ‘упражнение, тренировка (атлетов, борцов)’. В этом плане этимология БЕР

выглядит не столь уж невероятной. Слабость этимологии М. Фасмера заключается в том, что она не объясняет распространение слова по всей славянской языковой территории. В который раз переоценивается роль древневерхненемецкого в формировании церковной терминологии славянства; при этом рассчитывается в основном на говоры (моравские и паннонские), которые в эпоху становления христианства среди славян не имели письменной фиксации.

К. А. Максимович утверждает, что пощение в Ефремовской кромчей XII в. означает 'покаяние'. Ничего подобного: (14) Бѣдавыци... въ пощенихъ же часто жити. мноугѣ (νηστείας) 2516 [СДЯ VII, 418]; (15) Яще кѣто отъ моужкѣ мьннидаго ради пощениа рнзоу приимлетъ... да воудеть проклатъ (ἀσκησιν) 88а-б [СДЯ VII, 418]; (16) Нже еѣпѣ... въ дни праздникъ не въкоушаетъ мѣсъ и вина, скарѣдоуа, а не пощениа ради да низвержетъ съ Апл. 53²¹ [Срезневский II, 1337]. Относительно (14) и (16) словари для слова пощение определяют значение 'воздержание от пищи, пост', а в (15) выделяют значение 'аскетический образ жизни, подвижничество'. Отнесение слова постъ и его производных к моравизмам неосновательно.

Потьвѣга, подъпѣга 'отпущенная, разведенная жена': (17) Яще кто въдовоу понметъ или подъпѣгоу (потѣпгоу) ли равоу ли сводьницу, такоже да не воудеть никынже сѣеннкъ (ἐκβεβλημένην) (НМ) [ММ 4, 298; Максимович 2005, 141]. С ссылкой на Ф. Миклошича [1886, 260] и О. Н. Трубачева [1959, 181–182, 185] К. А. Максимович выбрал в качестве исходной форму потъвѣга, в которой первая часть должна означать 'муж, господин' (др.-инд. *pátis* 'хозяин, супруг'), а вторая **bĕg-* – '(у) бегать' (к тому же такая форма ассоциируется с ст.-чеш. *podběha* и ст.-польск. *roćbiega*). Между тем, как указывает М. Фасмер, колебания в орфографии затрудняют этимологию данного слова. В **potъbĕga* выделяется **potъ* (др.-инд. *pátis* 'господин'), а вторая часть относится к **rĕgъ* (*негий*) с вторичным происхождением **bĕg-*; первоначальное значение реконструируется как 'запятнавшая мужа'. Другие авторы исходят из формы **ro-tyrĕ-ga*, сравнивая укр. *nomínaxa* 'потаскуха; бродяжка', словен. *poteráca* 'то же', *potepénka* 'то же', *potépati se* 'бродяжничать' [Фасмер III, 299]. О. Н. Трубачев отмечает, что неясности связаны со второй частью сложения, которую он считает отглагольной

²¹Ср. 53 апостольское правило: Εἰ τις ἐπίσκοπος... ἐν ταῖς ἡμέραις τῶν ἑορτῶν οὐ μεταλαμβάνει κρεῶν καὶ οἴνου, βδελλαίρεισθω καὶ οὗ δ' ἀσκησιν, καθαιρεῖσθω... [PG 137, coll. 145] – "Аще кто, епископ... во дни праздников не вкушает мяса и вина, гнушався, а не ради подвига воздержания: да будет извержен".

[1959, 185]. А. С. Львов пишет, что данному слову с его различными написаниями уделено много внимания, о его составе и значении высказаны самые разные предположения, вплоть до фантастических. Автор отказывается взять отношение по этому вопросу, но все же считает, что оно сравнительно рано подверглось порче, возможно, в результате контаминации со словом *po-ter-ica* или *po-ter-iga* (словен. *potepiga*, укр. *potinaха, potинака* ‘бродяжка’, ‘потаскушка’) [Львов 1966, 215–216, 217]. По мнению Львова, в поздних списках церковнославянской литературы *подъпѣга* и *поуштеннца* воспринимались как слова с идентичным значением, автор также допускает, что у славян с древних пор могли существовать эти два термина для обозначения понятия ‘разведенная’.

К. А. Максимович указал на то, что слово встречается в древнейших евангелиях, но при этом пытается внушить, что в поздних болгарских списках евангелия XIII в. оно заменяется словом *поуштеннца*, *отпоуштеннца* [2005, 141–142], что неточно. В классических древнеболгарских рукописях распределение таково: *подъпѣга* (Мф. 5:32) – Зограф, Мар; *подъвѣга* (Мф. 19:9) – Мар, Асс; *потъпѣга* – Клоц 2b12 [SJS 28, 220, СС, 491]. Вариант *подъвѣга* (Мф. 19:9) встречается и в Ватиканском палимпсесте X в. [BE, 48, 4, с. 73]. Как видно, апракосы предпочитают *подъвѣга*, а тетры – *подъпѣга*. В виде *подъпѣга* слово встретилось дважды (Мф. 5:32; 19:9) и в среднеболгарском тетре XIII в. – Банишском евангелии [BE, 8a, с. 89, 16; 366, с. 146, 3]; *подъпѣга* (Мф. 5:32) читается и в *Пандектах* Никона Черногорца (ПНЧ) [СДЯ VII, 366]²². Такое расхождение весьма примечательно, если учесть, что перевод апракоса относится к периоду до моравской миссии, а перевод тетров – к периоду моравской. В задачи настоящего исследования не входит вопрос об уточнении времени и места перевода славянского тетра, но даже принимая такое распределение, нельзя не заметить, что апракосы дают форму идентичную с ст.-чеш. *podbĕha*, а тетры – форму отличную от старочешской. В этой связи понятны этимологические потуги К. А. Максимовича [2005, 142] объяснить вторичность *потъпѣга* из *потъвѣга* в результате прогрессивной ассимиляции по глухости/звонкости после падения редуцированных. Объяснение крайне неудачное, учитывая, что для славянских языков (в особенности для болгарского) в принципе характерна регрессивная ассимиляция²³, т. е. гораздо более возможен переход *потъвѣга* в *подъвѣга*

²²О “русских” ПНЧ говорить не приходится, см. Станков 2002.

²³Объяснение К. А. Максимовича допускает, что, например, в болг. *лодка* следует ожидать произношение [лудга] вместо обычного [лутка].

(сам Максимович предположил такой переход для чеш. *podběha*)²⁴, но этого недостаточно, чтобы объяснить формы на -пѣга. Более древним, по нашему мнению, является вариант -пѣга, поскольку объяснить -вѣга в -пѣга фонетически трудно, переход -пѣга в -вѣга можно объяснить народной этимологизацией; подобное мнение высказывает и В. Ягич: слово подѣпѣга не поддавалось объяснению, поэтому его по народной этимологии стали писать подвѣга или отвѣга [1913, 380–381]; трудно сказать, хороша ли гипотеза А. С. Львова о контаминации двух слов, отраженной в орфографии. Современное чеш. *podběha* ‘проститутка, легкодоступная женщина’ считается устаревшим словом [SSJČ IV, 166]. Несколько отличается ситуация в XIX в.: ср. *podběha* ‘žena pro cizoložství propuštěd’, на Moravě posud = nevěstka (проститука) [Котт II, 627], в VII томе (с. 282) Ф. Котт сравнивает *podběha* с *podběhnouti*. Нельзя не заметить, что значение слова “на Мораве” отличается от значения слова в древних текстах. Отсутствие континуантов в южно- и восточнославянских языках в случае ничего не доказывает, учитывая распределение вариантов по памятникам. Присутствие данного слова в древнеболгарских текстах следует рассматривать как архаизм праславянского периода.

Прнность: (18) вълхвоуѣще-и хѡдѡщен по овѣчуаю поганьскоу... ꙗко ѡбѣтъ да покаютьѡ стѣпннѣмъ оуставьнѣмъ ꙗко ѡбѣтъ въ припаданин, а ꙗко ѡбѣтъ прнносѡ (Οἱ καταμαρτυρούμενοι καὶ ταῖς συνηθείαις τῶν ἔθνων ἕξακολουθοῦντες... χωρὶς προσφορᾶς) (НМ) [ММ 4, 334; Максимович 2005, 142]; в SJS [28, 294] указано: spec. de communione eucharistica; у Максимовича – ‘евхаристия, св. Причастие’; обычно слово прнность означает ‘дар, жертва, приношение’, ‘прибыль, доход’ [SJS 28, 294; СС, 508]. В случае очевидно, что прнность является структурной и семантической калькой греч. *προσφορά*: (19) *προσφορά* во сѡ речець илннскы прнность, *Богословие* Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского [Срезневский II, 1438]. На соответствие *προσφορά* и прнность указывает и М. Цибранска [2000, 100]. Не заметив этой детали, К. А. Максимович ссылается на А. С. Львова [1968, 336] и на употребление слова в *Киевских листках*, но ведь в них слово означает ‘дар, жертва, приношение’, ‘прибыль, доход’, т. е. это употребление нельзя связать со значением слова в (18). Еще более странной выглядит ссылка на слов. *prinos* ‘sacrificium’ и на сербохорв. *prinos* в целях доказательства моравско-паннонского происхождения этого

²⁴Отметим, что В. В. Иванов и В. Н. Топоров предполагали двоякое произношение: **potъ-běga* и **podъ-běga* [1963, 140; цит. по: Львов 1966, 216–217].

“термина”, ведь болг. *принос* заимствовано в румынском со значением ‘жертва, жертвоприношение’ [БЕР IV, 690, *нося*]. Исключая (18) и (19), семантика *принось* довольно прозрачна, и какое-либо из его значений трудно определить специфическим для какого-либо одного славянского языка, как это пытается сделать К. А. Максимович в отношении значения ‘дар, жертва, жертвоприношение’, при том, что, как было отмечено, это значение не может служить доказательством моравского происхождения слова в (18). Однако как раз о (18) и (19) можно сказать, что их семантика специфически древнеболгарская, поскольку речь идет о калькировании греч. *προσφορά*.

Стьлазь ‘монета’: (20) *Блѹдѣн ѹюжю равоу да подаетъ. ѿ стьлазѣ ѣноу рабѣ* [ЗСЛ, гл. 5 (6), 36]; (21) *да дасть двѣци за срагнѣ антроу злата. снрѣчь б. н. б. стьлазѣ* [ЗСЛ, гл. 8 (10), 37]; (22) *б. стьлаза* [ЗСЛ, гл. 19 (21), 38]. В *Мериле праведном* вместо стьлазь читается пѣназь [ЗСЛ 60, 61, 63]. Стьлазь заимствовано из герм. *skillings*, более древним вариантом считается стьлазь, перешедший позднее в скьлазь [Фасмер III, 642; IV, 508]. К. А. Максимович не привел никаких аргументов в пользу моравского происхождения слова в древнеболгарской письменности [2004, 97; 2005, 143]. Стьлазь оставило следы в польском, украинском, но не в чешском языке [Махек 1968, 608]. Более того, В. Махек считает, что слово было заимствовано южными славянами. Слово пѣназь (**pěnědzь*) также является германским заимствованием (*pfenning*) [Фасмер III, 233–23], сохранилось в болг. *пенез* ‘мелкая старая монета’, *pěnez*, *пенеш* и др. [БЕР V, 151–152]. Если германское заимствование пѣназь оставило следы в болгарском, нет оснований считать стьлазь моравизмом в древнеболгарском.

В заключение можно констатировать, что и вторая группа лексем в построении К. А. Максимовича не содержит моравизмов. И в данном случае наблюдается переоценивание роли древневерхненемецкого в формировании христианской терминологии славянских языков, весьма заметное порой и у серьезных авторов, которые пренебрегают не только историей болгарского языка, но и языковой ситуацией на Балканах периода Великого переселения народов и до середины IX в. [Гешев 2003, 39]. Многие палеослависты пренебрегают трудами специалистов, работающих в области балкано-романских языковых контактов, чье значение для истории славянских языков, видимо, недооценивается. К сожалению, и в начале XXI столетия приходится вспоминать знаменитые, произнесенные с горькой усмешкой, слова Эйнштейна о том, что в XX веке легче разбить ядро атома нежели человеческое предубеждение.

ЛИТЕРАТУРА

БЕ: Банишко евангелие. Среднобългарски паметник от XIII век. Подг. за печат Е. Дограмаджиева и Б. Райков, *БАН*, София 1981.

Басай, Шатковский 1971: Basai, M., Siatkowski, M. J. Przegląd wyrazów, uważanych w literaturze naukowej za bohemismy, cz. VIII, 1971. – *Studia z filologii polskiej I słowiańskiej*, t. X, 5–34.

Бернштейн: Бернштейн, С. Б. Болгарско-русский словарь, *Советская энциклопедия*, Москва 1966.

Де Боор – de Boor, C. Georgii Monachi Chronicon, I–II, In Aedibus V. G. Teubneri. Lipsiae, 1904.

Бошкович 1984: Бошкович, Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков, *Высшая школа*, Москва.

БЕР: Български етимологичен речник, I–VI, *БАН/Академично изд-во "М. Дринов"*, София, 1971–2002.

Вайан 1952: Вайан, А. Руководство по старославянскому языку, *Иностранная литература*, Москва.

ВЕ: Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. Gr. 2502, Тр. Кръстанов, А.-М. Тотоманова, Ив. Добрев, *СИБАЛ*, София 1996.

Ганев 1959: Ганев, В. Законът съдний людемъ. Правно-исторически и правно-аналитически проучвания, *БАН*, София.

Гebaуer: Gebauer, J. Slovník staročeský, I–II (A–N), *Academia*, Praha 1970.

Георгиев 1986: Георгиев, В. Стб. малъжина 'съпрузи' – една старинна славянска дума. – *Български език*, (XXXVI), 5, 424–426.

Гешев 2003: Гешев, В. Чужди ли са тевтонците (праславянски названия за категории население). – В: *Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания*, *СемаРШ*, София, 35–44.

Геров: Геров, Н. Речник на българския език, I–VI, Пловдив, 1895–1908.

Гутянова 1986: Гутянова, Я. Моравизмы в лексике старославянских рукописей. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.

Гутянова 1998: Huťanová, J. Lexika starých slovanských rukopisov, *SAV*, Bratislava.

Даль: Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка, I–IV, *Русский язык*. Москва, 1978–1980.

Десницкая 1987: Десницкая, А. В. К изучению латинских элементов в лексике балканских языков. – В: *Romano-Balkanica*. Вопросы адаптации латинского языкового элемента в Балканском ареале, *Наука*, Ленинград, 3–36.

Дечев 1922: Отговорите на папа Николай I по допитванията на българите (направено от княз Борис I), ноември 866/Responsa Nicolai papae I ad consulta Bulgarorum, Anno 866, стъмки за издание и преведе Д. Дечев, София; репринт, *ИК Родина*, София 1998.

Дзидзилис 1990: Дзидзилис, Х. Фонетични проблеми при етимологизуване на гръцките заемки в българския език, *БАН*, София.

ЗСЛ: Закон Судный людем. Краткой редакции, подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов, *АН СССР*, Москва 1961.

Иванов, Топоров 1963: Иванов, В. В., Топоров, В. Н. К реконструкции праславянского текста. – В: Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V съезде славистов, *Наука*, Москва.

Истрин: Истрип, В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст, Петроград 1920, т. II, Исследование, Ленинград 1922, т. III, Греческо-славянский и славянско-греческий словари, Ленинград 1930.

Корпус: Corpus of Old Slavic Texts from the XIth Century, Sofia – Trondheim. – http://rosa.hf.ntnu.no/hf/slavic_corpus

Котт: Kott, F. *Jb. Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický*, I–VII, Praha 1878–1893.

Лампе: Lampe, G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*, 3, Clarendon Press, Oxford 1972.

Лиддл, Скотт: Liddel, H. G., Scott, R. *A Greek-English Lexicon*. Revised and augmented by sir H. S. Jones, with a revised supplement, Clarendon Press, Oxford 1996.

Львов 1966: Львов, А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности, *Наука*, Москва.

Львов 1968: Львов, А. С. Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности. – В: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Прага 1968. Доклады советской делегации, *Наука*, Москва, 316–338.

ММ 4: Magna Moraviae. Fontes historici, D. 4, Врно 1971.

Максимович 2004: Максимович, К. А. *Законъ Судный Людѣмъ: Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника, Древлехранилище*, Москва.

Максимович 2005: Максимович, К. А. Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках IX в. – *Русский язык в научном освещении*, № 1 (9), 116–162.

Махек 1968: Machek, V. *Etymologický slovník jazyka českého, ČSAV*, Praha.

Мейе: Meillet, A. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, I–II, Librairie Émile Bouillon, Paris 1902–1905.

Миклошич: Miklosich, F. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Vindobonae 1862–1865.

Миклошич 1886: Miklosich, F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien.

Младенова 1988: Младенова, М. Езиковият аспект от съществуването на Кирило-Методиевата традиция в Средновековна Чехия. – *Годишник на Софийския университет, Факултет по славянски филологии*, т. 78, 1, 1984, кн. 1 Езиковедство, София, 3–33.

Мошинский 1958: Moszyński, L. *Wpływ morawski w obocznych formach Kodeksu Zografskiego*. – In: *Z polskich studiów slawistycznych. Prace językoznawcze i etnogenetyczne na IV Międzynarodowy Kongres slawistów w Moskwie*, Warszawa 1958.

Муральт 1859: Georgii Monachi dicti Hamartoli Chronicon. Греческий подлинник, подготовленный к изданию Э. Г. фон Муральтом. – Ученые записки Второго отделения Импер. Акад. наук, кн. 6, Санкт-Петербург.

ОРСБЕ: Обратен речник на съвременния български език, БАН, София 1975.

ОСРЯ: Обратный словарь русского языка, Советская энциклопедия, Москва 1974.

PG: Migne, J.-P. Patrologiae graeca et latinae cursus completus, Seria Graeca, Paris.

РСБКЕ: Речник на съвременния български книжовен език, гл. ред. С. Романски, I-III, БАН, София 1954–1958.

Свод I: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.), Составители: Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, Восточная литература, Москва 1994.

Скок: Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–IV, JAZU, Zagreb 1971–1974.

Славичкова 1975: Slavičková, E. Retrográdní morfofatický slovník češtiny, Praha.

СДЯ: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), I–IV, Русский язык, Москва, 1988–1991, V, Москва, 2002, VI, Азбуковник, Москва, 2000.

СлРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв., Вып. I–26, Наука, Москва, 1974–2002.

SP: Słownik prasłowiański, I–8, Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974–2001.

SSJČ: Slovník spisovného jazyka českého, I–VIII, Academia, Praha 1989.

Срезневский: Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, Типография Императорской Академии наук, Санкт-Петербург, I–III, 1893–1912.

Станков 2002: Станков, Р. К проблеме древнейших славянских переводов с греческого. – Slavica Gandensia, 29, 177–205.

Станков (в печати 1): Станков, Р. О лексических моравизмах в древних славянских рукописях. – В: Преславска книжовна школа, т. 9.

Станков (в печати 2): Станков, Р. Еще раз о ипрнази. – В: Сборник, посвященный 60-летию русского отделения в Софийском университете.

СтБР: Старобългарски речник, Т. I, Изд-во “В. Траянов”, София 1999.

СС: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков), под ред. Э. Благовой, Р. Вечерки, Р. М. Цейтлин, Русский язык, Москва 1994.

SS: Staročeský slovník, 1-, Academia, Praha 1968 -.

Трубачев 1959: Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, АН СССР, Москва.

Трубачев 1976: Трубачев, О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика. – В: Принципы и методы семантических исследований, Наука, Москва, 147–179.

Трубачев 1980: Трубачев, О. Н. Реконструкция слов и их значений. – Вопросы языкознания, 3, 3–14.

Фасмер: Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка, I–IV, Прогресс, Москва 1986–1987.

Хемп 1987: Хемп, Е. Малъжна и мжжь. – Български език, (XXXVII), 4, 305–307.

Цейтлин 1977: Цейтлин, Р. М., Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв., Наука, Москва.

Цейтлин 1986а: Цейтлин, Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв., БАН, София.

Цейтлин 1986б: Цейтлин, Р. М. Възстановяване на незасвидетелствувани старобългарски думи (способи и методи). – Български език, (XXXVI), 2, 110–120.

Цибранска-Костова 2000: Цибранска-Костова, М. Формиране и развитие на старобългарските лексикални норми в църковноюрдическата книжнина, ДИОС, София.

Шарапова 1987: Шарапова, Л. В. Соотношение латинского элемента албанского и восточнороманских языков (нмя существительное). – В: Romano-Balkanica. Вопросы адаптации латинского языкового элемента в Балканском ареале, Наука, Ленинград, 145–170.

Шаур 1990: Шаур, В. За етимологията на старобълг. малъжна. – Български език, (XL), 6, 503–509.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, Вып. 1–30, Наука, Москва, 1974–2003.

Ягич 1913: Jagić, V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, 2. Aufl., Berlin.